

Николай БАБИЛУНГА

«ГОЛОСОВАНИЕ НОГАМИ» НАСЕЛЕНИЯ БЕССАРАБИИ В 1940 г. – РЕАЛЬНЫЙ РЕФЕРЕНДУМ

История, как известно, является наукой, которая в силу ряда присущих ей особенностей играет значительную роль в современном развитии любого общества, особенно в том, что касается гражданственности, сплочения и консолидации нации, формирования и развития институтов ее государственности, управления или манипуляции сознанием целых поколений. Вот почему тот, кто управляет историческим сознанием населения сегодня, тот в значительной степени управляет настоящим и даже будущим того или иного народа, той или иной страны.

Эта многократно доказанная истина особенно хорошо просматривается на примере Республики Молдова, где правящий класс с момента выхода этого государства из состава Советского Союза, и даже несколько раньше, приступил к конструированию своей особой исторической политики, т. е. стал грубо вмешивать свои политические цели и проводимую им политику в понимание исторического процесса. В настоящее время, практически весь период последних двух десятилетий власти Молдовы пытаются утвердить свою государственность не в качестве определенного самобытного историко-политического феномена со своей собственной экономической, правовой, политической и социальной системами, со своей неповторимой историей, культурой, традициями, а в виде некоей неотрывной части какого-то маловразумительного «румынского пространства».

Для реализации этой цели они взяли под полный контроль процесс формирования идеологии государства и общественного сознания, пытаются сконструировать новую для молдаван идентичность – румынскую. Да к этому - и формализовать презентацию Молдовы как части Румынии. И настоящими столпами новой молдовской идеологии в исторической политике стали четыре ключевых событий молдавской истории:

а) 1812 г. трактуется ныне не как освобождение края от ига Османской империи, а как насильственное расчленение не существовавшего в то время Румынского государства и аннексия его части Россией;

б) 1918 г. представляется не как насильственный захват королевской Румынией части территории своей союзницы по Первой миро-

вой войне, а как воссоединение Бессарабии с матерью-родиной, торжество исторических идеалов румынизма;

в) 1940 г. манифестируется в качестве большевистского грабежа и оккупации части мирной независимой страны, а создание государственности молдавского народа союзной Молдавской ССР как незаконное и насильственное;

г) 1941 г. интерпретируются как освобождение Бессарабии от советских оккупантов, а 1945 г. - как новый захват части Румынии Советской армией и установление здесь антинародного большевистского режима¹.

В этом ряду ключевых и поворотных событий на историческом пути молдавского народа 1940 г. стоит на особом месте. По его поводу было даже принято Парламентом Молдовы специальное «Заключение» по политико-юридической оценке советско-германского договора и дополнительного секретного протокола к нему, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины². В этом примечательном документе, предоставившем Приднестровью наряду с бесспорными историческими, демографическими, экономическими, социально-культурными и прочими аргументами, также и весомые юридические основания для воссоздания своей государственности, имеются среди прочего и такие пассажи: «Настойчивые утверждения советской официальной историографии о том, что в Бессарабии в 1918 году якобы победила советская власть и тем самым она якобы стала составной частью Советского государства, были призваны обосновать экспорт революции и повторную аннексию Бессарабии. Борцам за реализацию так называемых революционных намерений большевиков на этой территории, как и другим борцам за сохранение империи, замаскированным под революционеров, за редким исключением иной этнической принадлежности, были чужды жизненно важные интересы сохранения и процветания целостной румынской нации»³.

Этим по сути своей лживым измышлениям власти Молдовы придают такое огромное значение, что данный тезис повторяется в тех или иных вариациях буквально во всех официальных учебниках по «Истории румын» или так называемой интегрированной истории. Данный тезис фактически стал своего рода «священной коровой» всех «научных», учебных, публицистических изданий официоза кишиневского режима. Он выдается за откровение, которое не требует никаких доказательств и не допускает сомнений в своей истинности, - население Бессарабии жаждало процветать и благоденствовать в составе румынской матери-родины, и только коварство сталинской России в сговоре с гитлеровской Германией разрушило эту идиллию.

Трудно найти в современной Молдове хоть одно издание, которое бы упорно не навязывало бы своим читателям именно такой взгляд на события лета 1940 г. Но фактов, подтверждающих этот тезис, практически нет. И тогда в их поиске доходит до случаев почти анекдотических.

Некий автор из Бендер, известный в городе своими многочисленными воспоминаниями, которыми он делился с согражданами в местной прессе в советские времена и которые взалхлеб расписывали восторг и ликование местной детворы при входе в город Красной Армии, в 90-е гг. стал писать нечто прямо противоположное; стал писать, что когда другие радовались и кричали от счастья, он сидел дома в одиночестве, удрученно тоскуя о потерянной навсегда румынской родине⁴.

Но вопрос о том, с какими настроениями жители Бессарабии встречали Красную Армию и с какими они провожали уходящих восвояси румын, конечно же, не праздный, тем более, если он играет столь острую политическую роль в современных борениях на общественной арене. Каким образом молодежь Молдовы, родившаяся через пять–шесть десятилетий после тех драматических событий, узнает о правде, когда она так тщательно скрывается властями этого государства? К счастью, в нашем распоряжении имеются не только сомнительные материалы каких-то «очевидцев», готовых услужливо «вспомнить» из конъюнктурных соображений все, что только данным властям будет угодно, но и материалы объективного характера. Они могут очень убедительно показать, каковы были геополитические предпочтения населения Бессарабии, т. е. за кого это население проголосовало. Но проголосовало не на плебисците, не на всенародном опросе, референдуме – в политической практике той эпохи такие опросы были совершенно исключительным явлением, а в условиях разгоравшейся Второй мировой войны так и просто невозможными и бессмысленными. И, тем не менее, практически такой референдум состоялся.

Но это был весьма своеобразный референдум, когда в отсутствии возможностей голосования руками происходило то, что с легкой руки журналистов именуется «голосованием ногами». Уникальные условия последних дней июня 1940 г. предоставили всем жителям Бессарабии право выбора, право самостоятельно решать, с кем связывать свою дальнейшую судьбу, - с фашистской Румынией или Советским Союзом. Каждый житель края имел возможность либо идти в Румынию в конце июня 1940 г., присоединившись к обозам румынских войск, администрации, чиновников и священников, беспрепятственно покидавших Бессарабию, либо оставаться дома, встречая «оккупаци-

онную» Красную Армию многодневными праздниками и весельем. Существовало также огромное количество бессарабцев, покинувших в годы оккупации пределы края по разным причинам. Как «проголосовали» они? Какой выбор сделали, в пользу Румынии или Советского Союза? И есть ли у нас факты, которые позволяли бы оценить результаты этого независимого и достаточно объективного референдума?

Такие материалы в нашем распоряжении есть. И они неплохо известны даже историкам Молдовы, во всяком случае, представителям старшего поколения.

Начнем с того, что теоретически 28 июня 1940 г. Красная Армия в 14 часов пополудни могла бы войти в малонаселенную полупустынную страну, брошенную своими жителями, ибо ничто не мешало населению покинуть ее вместе с румынами, которые начали свое бегство еще с раннего утра 27 июня. Около недели жители края могли сделать свой выбор, «проголосовать ногами», покинув Бессарабию. И действительно, исход был. И даже немалый, что позволяет современным кишиневским историкам писать о массовом бегстве бессарабских румын от «безбожной власти большевиков». Но в том-то и дело, что бежали не какие-то «бессарабские» румыны, а румыны самые что ни на есть настоящие, уроженцы Старого королевства, Мунтении, Олтенции, Трансильвании, Баната и проч.

И ведь было кому бежать. После установления монархо-фашистской диктатуры Кароля II в феврале 1938 г. и превращения Румынии в сырьевой придаток агрессивного гитлеровского блока воинственные настроения правящей в стране клики достигли умопомрачительного накала. В апреле 1939 г. министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку заверяет немецкого фюрера в том, «что особенно важно, так это не дать распространению влияния России на европейские дела»⁵. А в январе 1940 г. румынский король, инспектируя сооружавшуюся в Бессарабии вдоль Днестра линию военно-стратегических укреплений, заявил в Кишиневе, что его армия настолько сильна, что может дойти и до Южного Буга, и до самой Москвы. Призывая поскорее освободить своих «братьев» в левобережном Приднестровье и на Украине, он поручил своему Генеральному штабу начать конкретные разработки скорейшей реализации этих идей, опираясь, естественно, на необходимую помощь Германии и Японии. Проведенные в течение 1939-1940 гг. мобилизационные мероприятия позволили правящему режиму к июню 1940 г. довести численность румынской армии до 39 пехотных и 4 кавалерийских дивизий, 12 артиллерийских полков, и других воинских подразделений. Из них на территории Бессарабии было сосредоточено 36 дивизий и 2 бригады⁶.

Вот вся эта многотысячная армада (впрочем, не вся, как это мы увидим дальше) вместе присланными из Бухареста чиновниками и их

семьями, с колонистами и переселенцами, скупавшими за бесценок у разоренных крестьян Бессарабии земли, вместе с румынскими попами, коммерсантами, помещиками и любителями легкой наживы хлынула за Прут. При этом, нарушая условия советской ноты от 27 июня, они безнаказанно мародерствовали, грабили жителей края, а подчас убивали и злобно мстили им за симпатии к Советам, как когда-то турки мстили им за симпатии к русским. Много ли их было? И какую часть в этой массе составляли бессарабцы?

Американский историк Л.Ф. Шуман еще в середине прошлого века привел такую цифру: «200 000 румын ушли за новую границу и примерно такое же количество пришло в оккупированные районы из самой Румынии». Интересно, что при этом автор отметил, что в «оккупированные» районы, т. е. в Бессарабию, возвращалось большое количество «румын». Объяснить внятно, почему одни «румыны» бежали из Бессарабии, а другие «румыны» возвращались в «оккупированный» край, автор так и не смог, отметив лишь, что последние, видимо, просто «предпочитали власть Москвы власти Бухареста»⁷. Мы еще вернемся к этим странным «румынам». Но пока зададимся вопросом: а сколько среди них затесалось бессарабцев? Сколько было тех, кто скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами, т. е. коллаборационистов или белогвардейцев, имевших старые счета с большевиками со времен гражданской войны, или просто богатых местных жителей, спасавших свои капиталы и добро?

Молдавский историк П.М. Шорников обратился к этой проблеме и пришел к интересному выводу. Он обнаружил, что весной 1941 г. по указанию румынского диктатора Иона Антонеску был произведен учет всех беженцев из Бессарабии. Всего зарегистрировали 82 555 человек⁸. Но нельзя не учитывать, что статус беженца давал ряд преимуществ и льгот, и вряд ли бежавшие из Бессарабии румынские служащие, торговцы и прочие переселенцы отказались бы от получения этих льгот. Иными словами, это количество покинувших Бессарабию истинных бессарабцев явно завышено, ибо включает и часть оккупантов, не имевших к краю никакого отношения, кроме временного его грабежа и управления «туземцами». Во всяком случае, американский историк румынского происхождения Г. Чорэнеску в середине 80-х гг. XX в. подсчитал, что всего Бессарабию покинули и переехали в Румынию в 1940-1941 гг., а затем и в 1944-1945 гг. приблизительно 50 000 бессарабцев⁹.

Правда, эта цифра не учитывает бессарабских немцев. Но это особая история. Когда Москва направила в Бухарест ноту от 26 июня 1940 г., германский посол в СССР граф Шуленбург сообщил народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову, что «Германия сто-

ит на принципах Московских соглашений и не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Ее интересует лишь судьба 100 000 немцев, проживающих в Бессарабии». Шуленбург к тому же имел инструкции из Берлина информировать правительство Советского Союза, что «его решение явилось полной неожиданностью для германского правительства, и что это сильно затронет германские экономические интересы и приведет к распаду больших немецких поселений в Бессарабии, а также немецких элементов в Буковине»¹⁰. В силу этого 5 сентября 1940 г. Москва и Берлин подписали договор о «репатриации», по которому из Бессарабии выехало в Германию 93 548 человек, проживавших главным образом на юге Бессарабии немцев. Часть из них стала пушечным мясом в войсках СС и Вермахта. Семьями бессарабских немцев нацисты заселяли как колонистами территорию оккупированной Польши¹¹.

Итак, один поток движения населения из Бессарабии на Запад насчитывал приблизительно 200 000 человек, в большинстве своем – румынских военных, полицейских, служащих, священников, чиновников и других категорий временного населения края, прибывшего сюда его колонизировать, им управлять, его румынизировать. Примерно четвертая часть из них (50 000 человек) состояла из жителей края, не пожелавших жить при власти Советов. Но был и другой поток.

«Благодеяния» румынского оккупационного режима имели своим последствием массовое бегство населения из Бессарабии за весь 22-летний период иноземного господства. Только за первые 10 лет оккупации эмиграция из Бессарабии в СССР составила 300 тыс. человек, в страны Западной Европы – 150 тыс., в Южную Америку и США – 50 тыс. человек, где были созданы многочисленные землячества и общества бессарабцев¹². В предвоенное десятилетие количество эмигрантов из Бессарабии несколько сократилось, но насчитывалось десятками тысяч.

Огромная часть жителей края искала спасения от голода и в самом «Старом королевстве»¹³. Румыны превратили Пруто-Днестровское междуречье не только в поставщика дешевого сырья, но и в поставщика дешевой рабочей силы. Как отмечали сами румынские исследователи в 1938 г., «выход за Прут крайне обнищавших сельских пролетариев и полупролетариев Бессарабии принял особенно значительные размеры»¹⁴. А бухарестская газета «Темпо» в эти годы рисовала такую красочную картину: «Ежедневно поезда из Бессарабии выбрасывают на улицы столицы сотни голодающих молдаван, русских, болгар, евреев... В бюро по найму, на улице, на скамейках в общественных местах, в ночлежках, в окраинных трактирах, под мостами столицы – всюду, где скопляются эти несчастные, преобладает

молдавский язык или русский, смешанный с еврейским... Девушки, женщины, мужчины, бросившие на произвол судьбы свои поля и мастерские в Бессарабии, в поисках работы предлагают себя жителям Бухареста за любую сумму, не за нищенское жалованье, а только за пищу, хотя бы один раз в день»¹⁵. По сведениям инспектората труда Бессарабии, с 1931 по 1939 гг. за пределами края местными биржами труда было трудоустроено более 40 тыс. зарегистрированных ими безработных горожан¹⁶. Понятно, что это лишь верхушка айсберга, ибо безработных и разоренных жителей сельской местности никто и не думал регистрировать.

Эти бывшие жители Бессарабии, оказавшиеся за пределами края к июню 1940 г., также имели свободный выбор на этом своеобразном референдуме, «проголосовать ногами» за Советы, то есть вернуться в Советскую Бессарабию и принять гражданство СССР, или остаться в Румынии, в тех странах, куда их забросила судьба. Уже в день 28 июня 1940 г. в советское посольство в Бухаресте поступило около 250 заявлений от бессарабцев с просьбами о возвращении на родину. А затем со всех концов Румынии в сторону Прута устремились потоки людей, которые желали вернуться домой, несмотря на все препятствия и зверства, чинимые против них румынскими властями.

Американский журналист Уильям Максвелл, будучи очевидцем этих процессов, писал в статье «Бессарабия», что 28 июня 1940 г. «...в самой Румынии начался немедленный выезд из других румынских провинций молдаван, украинцев и особенно евреев в освобожденные Бессарабию и Буковину... Каждая станция вдоль железнодорожных путей, ведущих в Бессарабию, была полна людей, ожидавших поездов. Те, кто не мог найти другого способа, шли пешком, скрываясь днем в лесах во избежание возврата назад». По свидетельствам этого журналиста, поезда по дорогам в Бессарабию подвергались обстрелам из стрелкового оружия, что привело к многочисленным жертвам¹⁷.

Одна из таких безнаказанных расправ произошла в Галаце 30 июня 1940 г., где на площади перед железнодорожным вокзалом собралось свыше двух тысяч докеров, членов их семейств и других выходцев из Бессарабии, ожидавших поезда ни родину. Они были оцеплены румынскими жандармами и солдатами. Их держали скученно на жаре, лишив воды и пищи, превратив это ожидание в пытку и месть за сочувствие столь ненавидимым румынами Советам. А потом по безоружным людям открыли огонь. Было убито около 600 человек и вдвое больше ранено¹⁸. Ветеран труда жительница Бендер Людмила Горенко, участвовавшая 24 июня 2010 г. на заседании круглого стола «Бендеры – форпост Приднестровья в переломные моменты истории» в рамках конференции «Июнь 1940-го: Бессарабия и Северная Букови-

на в составе СССР», была очевидцем этих событий в городе Галац, откуда они с семьей возвращались в тот день на родину. По ее словам, крови невинных жертв было так много, что она буквально ручьями заливала мостовые румынского города. Это злодеяние румынских властей, по своей жестокости и масштабности соответствовавшее самым страшным преступлениям гитлеровцев против человечества, почему-то осталось почти незамеченным современниками и почти забыто потомками. Так не должно быть.

А ведь подобные расправы с репатриантами были не только в Галаце, но и в Яссах, и в других румынских городах, селах пограничных пунктах. В Яссах, например, пять тысяч беженцев, возвращавшихся в Бессарабию, были заперты без пищи и воды в небольшом здании городского вокзала, затем погружены в грязные товарные вагоны из-под угля, которые в пути обстреливались румынами, а на станциях Сокола и Николина - ограблены при полной безнаказанности преступников и попустительстве властей¹⁹. Рабочий Михаил Морозан, насильственно мобилизованный румынами на строительство военных укреплений, а затем вывезенный вместе с другими бессарабцами в Румынию, рассказывал, что, когда они пожелали вернуться к себе по домам и объявили об этом, румынский офицер стал собственноручно расстреливать их команду из пистолета перед воинским строем²⁰. Погибло большинство мобилизованных бессарабцев, вся вина которых состояла лишь в том, что они хотели возвратиться к себе домой и жить в своей стране, а не на чужбине.

Тем не менее, репатрианты возвращались на родину, несмотря на зверства румынских фашистов. Менее чем за месяц в Бессарабию из Румынии вернулось 150 тыс. беженцев, и население региона возросло за месяц на 5 процентов. Но и в последующие месяцы люди возвращались в свои покинутые дома в Бессарабии, причем не только из Румынии, но и из других стран. К концу 1940 г., когда репатриация в основном закончилась, из-за границы на Родину возвратилось примерно 300 тыс. бессарабцев, в том числе из Румынии – 220 тыс. человек. Рост населения края в эти месяцы составил немногим менее 10 процентов его населения. Характерно, что бессарабские эмигранты, возвращавшиеся в родные места из Франции, Италии, Венгрии, Югославии, в своих обращениях к Советскому правительству умоляли ни в коем случае не резвакуировать их через Румынию, прекрасно понимая, что их там ожидает²¹.

Однако вернемся к тому потоку, который направлялся из Бессарабии за Прут. Помимо румынских чиновников, жандармов, торговцев, священников и прочих выходцев Старого королевства, прекрасно осознававших временный характер своего пребывания в оккупированной

Бессарабии, основной и количественно преобладавший элемент в этом потоке, конечно же, составляли офицеры и солдаты румынской армии. Но было бы ошибочным полагать, что румынские военнослужащие достойно, строем и с развернутыми знаменами, с песнями покидали оккупированный ими край, так и не превращенный ими в удобный плацдарм для готовившегося удара по юго-западным территориям СССР. Они убегали поспешно, разрушая, уничтожая то, что не могли ограбить, отбирали у населения скот, продовольствие, ценности, имущество. Деморализация бегущих войск, по признанию самих румын, была глубокой и широко распространенной. И наиболее явным ее показателем стало массовое дезертирство из румынской армии солдат-бессарабцев.

Как фиксировали агенты сигуранцы, чувства радости и восторга при известии об освобождении Бессарабии и Северной Буковины 28 июня 1940 г. «демонстрировались не только в рядах гражданского населения, но и в рядах армии»²². Массами покидали бессарабцы и буковинцы румынскую армию, скрываясь в лесах, оврагах, плавнях, домах местных жителей, ожидая подхода частей Красной Армии. Многие из них погибли от рук румынских карателей, которые облавами, засадами, расстрелами без суда и следствия пытались остановить массовое бегство бессарабцев из бегущей армии. Но утешить зверскими расправами не желавших уходить в Румынию местных жителей, служавших в румынской армии, было невозможно.

Целые подразделения и даже целые части королевской армии не дошли до Прута, если большинство в них составляли мобилизованные румынами жители Бессарабии. Солдаты просто бросали оружие и расходились по домам. Так перестала существовать как боевая единица 12-я пехотная дивизия румынской армии, ибо большинство солдат этой дивизии составляли местные жители, не пожелавшие уходить с родины и просто разбежавшиеся при начале румынского отступления из Бессарабии. По три тысячи солдат не досчитались 7-я и 15-я пехотные дивизии²³. Причем солдаты артиллерийского полка бросили в поле все вооружение и боеприпасы, разбежавшись по домам. Многие бессарабцы, служившие на территории самой Румынии, также попытались вернуться, за что, как уже говорилось, чаще всего расплачивались своими жизнями. Уже упомянутый американский журналист Уильям Максвелл по этому поводу писал: «Молдавские и украинские солдаты румынской армии убегали при любой возможности. В одной части при перекличке румынский офицер приказал желающим возвратиться в Бессарабию сделать шаг вперед. Надеясь, что они будут отпущены в освобожденную Бессарабию, 60 солдат вышли вперед. Они были расстреляны»²⁴.

Только за 10 дней, с 28 июня по 8 июля 1940 г., по данным румынского генштаба, из румынской армии дезертировало 61970 военнослужащих²⁵, что по праву может быть занесено в качестве рекорда в знаменитую «Книгу Гиннеса». Вряд ли в мирный период, не находясь в состоянии войны, хоть одна армия мира имела такое количество дезертиров в столь малый срок. Возвращаясь к началу нашего повествования, мы вполне можем определенно ответить на загадочный вопрос, перед которым остановился американский историк Шуман и многие другие западные, а ныне – и кишиневские и бухарестские историки.

Что же это за «румыны» такие странные, часть из которых бежала за Прут от Красной Армии, а часть, рискуя своей жизнью, а подчас и отдавая ее, рискуя имуществом и здоровьем, рвалась в освобожденные от оккупации земли Бессарабии и Северной Буковины?! Все, оказывается, достаточно просто и легко объяснимо, если не мутить свои мозги и сознание своих читателей всевозможными побасенками о том, что Бессарабия была и остается неотъемлемой частью своей румынской «матери-родины».

Объективные цифры и исторические факты говорят сами за себя. В подавляющем своем большинстве бессарабцы вовсе не считали себя «румынами», а считали оккупированным и ограбляемым румынами населением. Вот почему, за самым небольшим исключением (местные коллаборационисты, связанные с оккупантами), из Бессарабии в 1940 г. бежали исключительно «рэгецане», жители Старого королевства, пришедшие на эти земли в качестве оккупантов, - чиновники и бюрократия, офицерство и жандармы, колонисты и священники, землевладельцы и банкиры, а также солдаты, введенные в край из самой Румынии. Всем этим людям действительно нечего было делать тут после освобождения края от оккупации. Основная часть населения страны и не думала ее покидать, с ликованием и цветами, фруктами и вином встречая воинов-освободителей. Родину покинула незначительная часть ее уроженцев, которая в совокупности (приплюсовывая к 1940 г. и беженцев 1944 г.) не достигала и 2 процентов населения края.

С другой стороны, десятки и сотни тысяч жителей края, оказавшихся за его пределами к июню 1940 г., возвратились на Родину, в свой освобожденный от ненавистных оккупантов край. Только с июня по декабрь 1940 г. население края увеличилось почти на 10 процентов. И это при том, что из Бессарабии бежали 200 тыс. румын и были репатриированы 100 тыс. немцев! И при том также – это очень важно заметить! – что вплоть до декабря на Днестре оставалась временная демаркационная линия и массовых передвижений населения с левого берега на правый быть не могло. Учет населения, пересекавшего эту

линию, был строгим, а потому его цифры для нас весьма показательны. В течение второго полугодия 1940 г. из других союзных республик в молдавские районы бывшей Бессарабии прибыли 11580 человек, а из Молдавской ССР в другие республики СССР уехали 18703 человек. К этому можно добавить, что по решению правительства Украины в южной части бывшей Бессарабии расселили приблизительно 12 тыс. поляков и столько же украинцев, беженцев из Польши, после того, как Польша была захвачена гитлеровцами²⁶.

Таким образом, наш вывод совершенно очевиден и, более того, - естественен. Официально необъявленный референдум, но, тем не менее, референдум фактически состоявшийся, «голосование ногами», дал совершенно ожидаемые результаты. В абсолютном и подавляющем большинстве своем жители освобожденной Бессарабии и Северной Буковины проявили свои политические предпочтения и сделали свой геополитический выбор. Этот выбор был против оккупантов, против Румынии. Этот выбор был за освободителей, за Молдавию, за Украину. И этот выбор сделал народ. За этот выбор люди часто расплачивались своей кровью.

Ничтожное меньшинство, кучка местных коллаборационистов, землевладельцев и белогвардейцев, имевших с Советской властью старые счёты, сделали другой выбор.

Его можно уважать как право меньшинства, но его опасно вновь и вновь навязывать народу, навязывать большинству. Политика нынешнего и.о. президента Молдовы М. Гимпу и представляемой им коалиции политических сил являет собой классический пример такого навязывания. Гимпу может лично себя относить к проигравшим Вторую мировую войну гитлеровцам или железногвардейцам. Лично для него, как и для остальных коллаборационистов, 1940 г. в истории молдавского народа может представляться как своего рода трагедия. И в этом ничего удивительного нет.

Гораздо удивительнее другое. Республику Молдову (пусть и временно, и случайно!) возглавил человек, который вообще не признает молдавской государственности и стремится к ее ликвидации. Более того, не признает и молдавской нации, молдавской истории, молдавской культуры, языка, самобытности. Его указ об объявлении светлого дня освобождения Бессарабии от румынских оккупантов «днем советской оккупации» вполне объясним особенностями его мировоззрения и психики, его стратегических целей и его политики. Печально, что эти цели и эта политика полностью конфликтуют с миропониманием и менталитетом большинства жителей Молдовы, с этнической и политической идентификацией населения этой республики. А значит, новые трагические катаклизмы, общественное неустройство и гражд-

данское противостояние еще ждут Молдову впереди. При полной неопределенности политического будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Галинский И.Н.* Фальсификация современной политической истории Молдовы в контексте проводимой государственной исторической политики // *Общественная мысль Приднестровья*. № 1. Тирасполь, 2010. С. 4.

2. Заключение Комиссии Верховного Совета ССР Молдова... № 41 (28 июня 1990 г.) // *Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики*. Тирасполь, 1993. С. 75-78.

3. Там же. С. 76.

4. Фамилию автора и соответствующие ссылки на его «воспоминания» не приводим из этических соображений.

5. *Брысякин С.К., Сытник М.К.* Торжество исторической справедливости. Кишинев, 1969. С. 136.

6. *Березняков Н.В., Бобейко И.М., Копанский Я.М., Мурзак У.Г., Платон В.П.* Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Светской Родиной (1918-1940 гг.). Кишинев, 1970. С. 710.

7. *Schuman L.F.* Soviet Politics at Home and Abroad. New York. 1947. P. 397. Цит. по: *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 471.

8. *Шорников П.М.* Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940-1941 годах // *Советская Молдавия*. № 50. 15 марта 1991 г.

9. Там же.

10. *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 443.

11. *Шорников П.М.* Указ. соч.

12. *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. С. 263.

13. Термин «Старое королевство» («Регатул век») для современного читателя нуждается в некотором пояснении. Так бессарабцы и румынские функционеры в крае называли Румынию в ее исторических границах на 1912 г. Эти границы не включали Южную Добруджу, захваченную румынами в ходе Второй Балканской войны 1913 г., а также Бессарабию, оккупированную румынами в январе 1918 г., Трансильванию (по-румынски – Ардял), Банат и Северную Буковину, полученные Румынией после Первой мировой войны. Румын, уроженцев «Регата», бессарабцы называли «регацанами» (*Шорников П.М.* Бессарабский фронт (1918-1940 гг.). Кишинев, 2010. С. 130).

14. *Зеленчук В.С.* Население Молдавии (демографические процессы и этнический состав). Кишинев. 1973. С. 30.

15. *Бобейко И., Копанский Я.* Двадцать два года героической борьбы. Кишинев, 1966. С. 10-11.

16. *Кустрякова С.Ф.* Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918-1940). Кишинев, 1977. С. 112.

17. *Maxwell W. Bessapabia.* – «Soviet Russia Today»? Vol. 9. № 4. August 1940. Pp. 14, 19. Цит. по: *Лазарев А.М.* Указ соч., С 469.
18. *Лазарев А.М.* Указ соч., С. 469.
19. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 222.
20. История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев, 1968. С. 354.
21. *Лазарев А.М.* Указ. соч. С. 471.
22. Там же. С.472.
23. Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1968. С. 246.
24. *Maxwell W. Bessapabia.* – «Soviet Russia Today»? P. 19. Цит. по: *Лазарев А.М.* Указ соч., С 473.
25. *Суляк С.Г.* Оккупация или освобождение? // Аргументы и факты – Молдова. № 26 (1547). 30 июня – 6 июля 2010 г. С. 5.
26. *Шорников П.М.* Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940-1941 годах // Советская Молдавия. № 50. 15 марта 1991 г.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания «мовы» и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).